

Х. КЭПШТЕЙН

О ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ
ПО «ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМУ ЗАКОНУ» *

Сельская община в Византии, как она представляется по «Земледельческому закону»¹, дает отчетливую картину существования независимого крестьянства. Возобновившееся укрепление сельской общины в Византии в VII—VIII вв. должно рассматриваться прежде всего как обстоятельство, тормозящее феодальное развитие. Конечно, процесс развития крупной земельной собственности, с одной стороны, и зависимого мелкого владения с другой, уже в позднеантичном классовом обществе зашел так далеко, что это замедление могло быть только временным. Кроме того, нельзя упускать из виду существование в сельской общине «Земледельческого закона» отчетливо заметной социальной дифференциации, которая привела в конце концов к отношениям феодальной зависимости. Нам хотелось бы специально остановиться далее на этом вопросе, который не всегда в должной степени привлекал внимание исследователей. При этом хорошо известно, что в этой области, особенно советскими коллегами, уже собран богатый научный урожай, поэтому в кратком докладе можно не более как расставить акценты.

В «Земледельческом законе» термином $\gamma\epsilon\omega\rho\gamma\omicron\iota$ обозначаются сельскохозяйственные производители, крестьяне, которые располагают участком земли. Эту землю они сами обрабатывают и за нее уплачивают налог. Однако на основании анализа этого термина нельзя решить, идет ли при этом речь о владельце или собственнике земельного участка. В греческом языке в отличие от латинского нет юридически ясного языкового разделения между собственностью (*proprietas*) и владением (*possessio*): как $\kappa\tau\eta\rho\iota\alpha$, так и $\kappa\tau\eta\rho\iota\varsigma$ могли обозначать оба понятия. Также выражения $\epsilon\rho\gamma\alpha\zeta\omicron\beta\epsilon\mu\epsilon\upsilon\omicron\nu\ \tau\omicron\nu\ \dot{\iota}\delta\iota\omicron\varsigma\ \acute{\alpha}\gamma\rho\acute{\omicron}\nu$ (§ 1), $\epsilon\chi\omega\nu\ \delta\acute{\iota}\chi\eta\nu\ \epsilon\nu\ \acute{\alpha}\gamma\rho\acute{\omicron}\nu$ (§ 6) и даже $\chi\acute{\omicron}\rho\iota\omicron\varsigma\ \tau\omicron\upsilon\ \acute{\alpha}\gamma\rho\acute{\omicron}\nu$ (§ 15), $\chi\acute{\omicron}\rho\iota\omicron\varsigma\ \tau\eta\varsigma\ \chi\acute{\omega}\rho\alpha\varsigma$ (§ 2, 13), $\acute{\omicron}\ \tau\omicron\upsilon\ \tau\omicron\pi\omicron\upsilon\ \chi\acute{\omicron}\rho\iota\omicron\varsigma$ (§ 32) указывают на наличие не права собственности, а только права распоряжения².

* Доклад, прочитанный на симпозиуме по социально-экономическим проблемам истории Византии (Москва, сентябрь 1974 г.).

¹ Ashburner W. The Farmer's Law I. II. — JHS, 30, 1910, p. 85—108; 32, 1912, p. 68—95.

² Уже И. Безобразов (ВВ, XVII, 1910, с. 345 и сл.) выражал сомнение в правильности утверждения Панченко и Мутафчиева о том, что понятие $\dot{\iota}\delta\iota\omicron\varsigma\ \acute{\alpha}\gamma\rho\acute{\omicron}\nu$ и ему подобные однозначно свидетельствуют о полной собственности. См. об этом также работу Г. Вернадского (Вуз., 2, 1925, p. 175—177), предположение которого о том, что $\dot{\iota}\delta\iota\omicron\varsigma$ в «Земледельческом законе» следует понимать как технический налоговый термин, является не вполне удовлетворительным и не вытекает из контекста. По нашему мнению, $\dot{\iota}\delta\iota\omicron\varsigma\ \acute{\alpha}\gamma\rho\acute{\omicron}\nu$ в § 1 следует понимать не узко, а исключительно как собственный, специально выделенный мелкий участок земли ($\tau\omicron\nu\ \epsilon\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\ \acute{\alpha}\gamma\rho\acute{\omicron}\nu$), который нельзя самовольно расширять за счет соседа. См. также § 78, 79. Об употреблении термина $\chi\acute{\omicron}\rho\iota\omicron\varsigma$, в том числе в папирусах, см., например: Rostowzew M. Studien zur Geschichte des römischen Kolonats. Leipzig—Berlin, 1910, S. 21 f.; о значении слова $\dot{\iota}\delta\iota\omicron\varsigma$ см.: *ibid.*, S. 75, 307 f.

С другой стороны, текст памятника не позволяет сделать определенный вывод о существовании права помещика на парцеллы, крестьяне имеют только право распоряжения ими³. В пределах общины γεωργοί были, совершенно очевидно, собственниками своих земельных участков, хотя в этих своих правах ограничивались правом общины или правом других ее членов.

Тот факт, что эти сами ведущие свое хозяйство крестьяне повсеместно обозначаются термином γεωργοί, не может быть использован для доказательства их полного социального равенства. Нельзя также на основании анализа различных телесных наказаний, применяемых по «Земледельческому закону» за нарушение прав собственности, причислять всех γεωργοί в целом к humiliores, как это делает Эшбернер⁴. Поразительно, что ни в одной из 23 статей⁵, в которых перечисляются такие обычные для рабов и humiliores наказания, как побои, членовредительство, клеймение, смерть на костре, преступник не называется γεωργός (даже там, где речь вполне определенно идет о нем)⁶; здесь говорится о пастухах, полевых сторожах, μισθωτοί⁷, именно о них идет речь в большинстве такого рода статей, а это как раз означает, что при этом имеются в виду не все γεωργοί, а в первую очередь те, кто оказался на более низких ступенях социальной лестницы. Категория этих экономически слабых γεωργοί, которые иногда обозначаются как ἄποροι γεωργοί (§ 14), γεωργοί ἀπορήσαντες (§ 11, 12, 18), выступает в разных видах. Их бедность выражается прежде всего в том, что они отдают за долю в урожае участки земли для обработки, а затем и в том, что они сначала временно, а в конце концов навсегда оставляют свою землю. Этому сопутствует вначале случайная, а позднее постоянная практика нанимательства за плату. Следовательно, можно отчетливо наблюдать процесс социальной деградации земледельцев как следствия их экономического ослабления.

Прежде всего, перед нами крестьянин, который не в состоянии сам обрабатывать весь свой земельный участок. Он передает поле (§ 11, 13—15) или виноградник (§ 12) другому γεωργός либо вследствие отсутствия рабочей силы, либо вследствие недостатка в зерне для посева или даже в орудиях труда. Степень обработки участка и доля в урожае, которую имел обрабатывающий, как правило, составляла половину⁸ и устанавливалась на основании договора (см. особенно § 11⁹ τὰ σύμφωνα). Если об-

³ Статьи 9 и 10, в которых упомянуто об отношениях между μισθωτός и χωροδότης, хотя и допускают предположение в этом направлении, все же не могут служить доказательством этого. Таким образом, сомнения, высказанные П. Лемерлем (Lemerle P. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes. — «Revue historique», 219, 1958, p. 57) и М. Я. Сюзюмовым (Сюзюмов М. Я. О характере и сущности византийской общины по «Земледельческому закону». — ВВ, X, 1956, с. 29 и сл.), мы считаем совершенно обоснованными.

⁴ Ashburner W. Op. cit., II, 73, 76.

⁵ § 28, 30, 33, 34, 41, 42, 44, 58—61, 64, 66, 68—70, 75—80 (§ 46, 47 относится к рабам). Об этом подробнее см.: Ashburner W. Op. cit., II, 73—76; см. также: Липшиц Е. Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация (преимущественно по данным Земледельческого закона. — В кн.: Византийский сборник. М.—Л., 1945, с. 102.

⁶ См. § 66, 78—80. Причем в § 66 и 80, возможно, речь идет о долгое время находившихся в отсутствии, только что возвратившихся, а потому экономически слабых γεωργοί.

⁷ § 28: ἀγελάριος; § 33: ὄπωροφύλαξ; § 34: ποιμὴν μισθωτός.

⁸ Ashburner W. Op. cit., II, 80 f.

⁹ М. Я. Сюзюмов (указ. соч., с. 40) объясняет эту статью в смысле условия оплаты труда μισθωτός, который «при определенных условиях фактически превратился в арендатора». Но был ли в состоянии ἀπορήσας γεωργός, у которого, очевидно, даже отсутствует посевное зерно, заставить работать на себя рабочую силу за плату? Притом § 11 непосредственно предшествует статьям, касающимся ἡμισεία, данной в § 12—15. Также и формулировка εἰάν τις γῆν λάβῃ, по нашему мнению, не говорит в пользу отношений оплаты. Равным образом представляется, что ссылка на μισθωτός в § 24 не вполне убедительна. Здесь речь идет о γεωργός, ко-

рабатывающий отказывался от выполнения условий договора своевременно, еще до оплаты работ по уходу за участком, то он не нес никакого наказания (§ 15). Если же он не проявлял необходимого усердия в работе, то *ἄπορος* как *χέριος* земли имел право на весь урожай (§ 12, 13). Если же *ἡμισιατής* вовсе не возделывал пашню отсутствующего *ἄπορος γεωργός*, то он был обязан в двойном размере возместить урожай (§ 14). Тем самым избегали того, чтобы земля оставалась необработанной или обрабатывалась недостаточно; ведь от интенсивности обработки земли зависел размер урожая, а от его своевременного поступления (через налоги и поборы) — содержание армии и чиновничества. Принимая во внимание довольно высокую долю, которая приходилась на *ἄπορος*, сдающего свой участок в обработку, вполне возможно, что обязанности по уплате налогов и в дальнейшем оставались за ним¹⁰. Но если он должен был их выполнять, то он должен был также получать свою часть урожая. Поэтому столь строги наказания для нарушившего договор *ἡμισιατής*. Передача земли от *γεωργός* к *γεωργός* с целью обработки, по-видимому, должна была происходить, смотря по обстоятельствам, только на время одной уборки урожая или нескольких уборочных кампаний — согласно контексту статей о *ἡμισία*, относящихся к пахотной земле, — очевидно, для преодоления временной нужды. Текст не дает ответа на вопрос, передавалась ли при этом вся земля или только ее часть¹¹. В случае отсутствия *γεωργός* (как в § 14), вероятно, для обработки передавалась вся земля. Отсутствие *γεωργός* упомянуто еще в двух других статьях. В то время как описанный в § 14 случай, благодаря нейтральной формулировке *ἀποδηήσας*, производит впечатление законного отсутствия, — быть может, *γεωργός* нес военную службу, *ἀποδρᾶν* и *διαφυγεῖν* в § 19—20 скорее позволяют сделать вывод о нежелательном уходе, бегстве. Все же и в этом случае отсутствующий крестьянин, если он платит ежегодные налоги, — речь, таким образом, идет о длительном отсутствии — защищается возмещением ему штрафа *ἡμισιατής* в двойном размере урожая, чтобы тот не убрал его продукты полеводства (§ 19). Но если же он с помощью бегства уклоняется от обработки своего виноградника, а его часть налога собирается с других *γεωργοί*, то они могут также, не боясь наказания, убирать его урожай (§ 18).

В то время как при передаче земли в *ἡμισία* передающий землю *ἄπορος γεωργός*, совершенно очевидно, надеется на скорое улучшение своего экономического положения, заключается настоящий договор, налоговые недоимки по меньшей мере не упоминаются, то положение переселяющегося *γεωργός* уже намного сложнее: он сбежал со своего участка земли, уклоняется от обработки своего виноградника. Требуемая больших затрат культура виноградарства, по-видимому, вообще должна была быть пределом хозяйственной работоспособности крестьянина¹². Но какую выгоду могло принести *ἐπιτεύσειν* обедневшему крестьянину? Возможно, он надеялся твердо встать на ноги в новом месте, более благоприятном по своим природным условиям для земледелия и садоводства.

торый в состоянии построить на чужой земле дом, посадить виноград и даже при известных условиях дать отпор, *ἀντιτοπία*.

¹⁰ Таково предположение Лемерля (op. cit., p. 57).

¹¹ Ни в одной из статей (§ 11—15) не говорится ясно о передаче всей земли. В § 11—13 γῆ, ἀμπελον и χώρα стоят без артикля, а в § 14—15 речь идет о *ἡμισία τοῦ ἀροῦ* или о *ἡμισία*. На этом основании мы считаем неправомерным допускать, что *γεωργός*, отдающий землю в обработку, в каждом случае не располагал никакими орудиями труда и семенным зерном (так у Е. Э. Липшиц, указ. соч., с. 123). Для обработки части своей земли могло быть достаточно своих хозяйственных сил.

¹² Обращают на себя внимание многочисленные статьи, специально посвященные виноградарству, особенно защите виноградных культур: § 12, 18, 50, 51, 52, 58, 59, 61, 79, 80, 85; см. также § 16, 25, 38, 83.

Во всяком случае, он мог временно уклониться таким образом от уплаты налогов¹³. Третья и последняя возможность заключалась в том, что он временно или навсегда на чужбине или даже в собственной деревне брался за наемный труд. Тем самым он достигал на социальной шкале самой низшей ступени, а фактически переходил из категории γεωργοί в категорию μισθωτοί (хотя граница между ними была еще расплывчатой).

В шести статьях «Земледельческого закона» (§ 22, 25, 33, 34, 36, 62) речь определенно идет о плате: один раз в связи с обозначением γεωργός (§ 22), один раз в связи с термином μισθωτός (§ 34) и по одному разу в связи с названием профессии ἀγέλαριος (§ 25), ποιμήν (§ 34), ὄπωροφύλαξ (§ 33). Таким образом, наиболее предпочтительной работой за плату был труд пастуха и сторожа фруктов сада; для этого требовались простые орудия труда и малоквалифицированная рабочая сила¹⁴. Так что во всех аналогичных случаях следует иметь в виду μισθωτοί, даже если это не выражено прямо. Но, как показывают статьи о краже орудий труда (§ 22, 62), за плату выполняются также и более квалифицированные или более трудные работы, как, например, расчистка поля под пашню, рытье канав, вспашка, косьба, подрезание виноградных лоз. Только при упоминании этих работ речь определенно идет о ежедневной плате в 12 φόλλεις, только в связи с такими работами ясно говорится о γεωργός, получающем плату (§ 22), но отдавшем, по крайней мере частично, свою землю в ἡμισεία — в противном случае он едва ли был бы в состоянии взять на себя дополнительную работу. Характерно, что γεωργός, работающий за плату, был настолько плохо обеспечен хозяйственно, что кража инструментов вообще и особенно тогда, когда они более всего нужны (кража лопат и мотыг во время вскапывания поля, серпов или кос в период жатвы, виноградных ножей во время сбора винограда, топоров в период корчевки), была обычным явлением, иначе соответствующее наложение штрафа в § 22¹⁵ было бы ненужным. Эти μισθωτοί были наверняка когда-то полноправными γεωργοί деревни и остались таковыми с некоторым ограничением, в то время как ο ἀγέλαριοι скорее можно думать как о чужаках, которые в деревне исполняли обязанности только μισθωτοί, а не γεωργοί.

То, что пастухи и полевые сторожа среди μισθωτοί стояли в деревне действительно на последнем месте, за исключением рабов, которые, впрочем, привлекались к подобным работам¹⁶, становится ясным уже из перечня телесных наказаний¹⁷, которые применялись к ним (см. выше). О их социальном положении можно также узнать по роду их проступков. За исключением нерадивости, это были чаще всего преступления против собственности из нужды: кража скота (§ 36), молока (через пастуха — § 34), фруктов и продуктов полеводства (через полевого сторожа)¹⁸.

¹³ О снижении налога при его возможном возвращении, как это известно от более позднего времени (см.: *Ashburner W. Op. cit.*, II, § 14, а также § 12, 13), «Земледельческий закон» ничего не говорит.

¹⁴ К таким работам, безусловно, привлекались члены семей бедных крестьян, которые еще по своей молодости или уже по старости больше не могли выполнять слишком тяжелые и сложные работы в поле, лесу и саду.

¹⁵ § 36: Тот, кто увел вола, осла или другое животное, наказывается штрафом в двойном размере убытка. § 62: Кража плуга, лемеха или хомута наказывалась штрафом в 12 фоллиев в день с того времени, как произошла кража.

¹⁶ Рабы определенно упомянуты как пастухи в § 71, 72; другие статьи, которые касаются рабов (§ 45—47), говорят о краже скота, следовательно, речь идет с большей степенью вероятности также о пастухах.

¹⁷ § 33, 34: потеря платы и побоев.

¹⁸ § 33. В § 61 кража винограда и инжира, если речь идет о хищении на пропитание (βρώσεως ἐνεκεν), а не ο κλοπή (с целью продажи?), остается безнаказанной; правда, здесь не упоминают пастух, как и в § 69 относительно кражи винограда и в § 35, 60, 68 относительно кражи зерна. Для характеристики социального положения широких слоев в деревне эти статьи довольно выразительны. (Так же

Так постепенно происходила социальная деградация γεωργοί. Но кто извлекал пользу из этого? Сопровождалась ли деградация одних γεωργοί возвышением других, или этот процесс в той или иной мере затрагивал всех?

Ἡμισιατής, который обрабатывал пашню или виноградник другого γεωργός и должен был передать половину дохода собственнику, очевидно, нередко отказывался от соглашения¹⁹. Это было обременительно и для необедневшего γεωργός, так как он должен был обрабатывать дополнительно к своему участку и другой, к тому же если ἄπορος находился на чужбине и о его возвращении не было известно. Но для экономически более сильного γεωργός, который располагал достаточной рабочей силой (члены семьи, наемные работники или даже рабы) и который обрабатывал дополнительное поле, дополнительная доля в урожае означала, без сомнения, прибыль.

Более ясным является тот случай, когда отсутствующий крестьянин не уплачивает налога. Тогда он взимается с других членов общины, которые в свою очередь имеют притязания на его урожай. Таким образом, γεωργός, который в состоянии платить налог за соседа, может получить в дальнейшем вместе с урожаем постепенно также и право распоряжения его землей. С другой стороны, с переносом налога на общину разорение бедного γεωργός не прекращалось, а еще более ускорялось, так как прекращение уплаты налога было связано с потерей урожая. Ведь если он не был в состоянии уплатить налог, то как он мог после потери урожая снова вступить в свои права в будущем году?

Некоторой защитой он, разумеется, пользовался. В случае возвращения он мог претендовать если уже не на свой, то по меньшей мере на другой равноценный участок, так как тому, кто в это время обрабатывал землю, нельзя было причинять ущерба. Права человека, обрабатывавшего землю в сельской общине, были достаточно большими. Если дерево посажено на «неподеленной земле» (§ 32), а мельница построена на «общинной земле» (§ 81), то такая деятельность ни в коем случае не осуждалась, а скорее поощрялась, во всяком случае принималась во внимание. Это имело силу и тогда, если один γεωργός обрабатывал наряду со своим оставленный участок другого. Право на урожай имел не тот, кому принадлежал участок, а тот, кто его обрабатывал (§ 6); если кем-либо на чужом участке был посажен виноградник или построен дом, то они не могли быть уничтожены собственником, даже если тот не предложит ἀντιτοπία (§ 24)²⁰. Следовательно, решающим было право вложенного труда, а не формальное право собственности. Является также спорным положение о том, вступало ли в силу право на собственный участок и тогда, когда крестьянин отсутствовал в течение года, не платя налоги за свою землю. Срок, с истечением которого действие этого права прекращалось, правда, нигде не назван в «Земледельческом законе»²¹, но, без сомнения, после длительного отсутствия фактически это право терялось. Земельный участок, который не обрабатывался ни владельцем, ни кем-либо другим по его поручению — в ἡμισία или за плату, как μορτίτης, становился владением соседа при условии ухода за ним и уплаты за него налога. П. Лемерль предполагает, что такие оставленные участки земли — после определенного периода считающиеся до некоторой сте-

как кража скота в § 30, 41, 42, 44, которые определенно не называют пастуха или сторожа преступниками.) За исключением § 35, во всех названных статьях налагаются телесные наказания.

¹⁹ § 14: μεταμεληθείς; § 15: μή ισχύων.

²⁰ Ἀνάρχος — следовательно, даже не ожидая такого предложения, они не должны повреждать дома или изгороди. Судебная тяжба, упомянутая в § 80, относится, возможно, к такому делу о возвращении.

²¹ М. Я. Сюзюмов (указ. соч., с. 39) предполагает срок в 30 лет.

пени ἀμέριστοι τόποι (§ 32) — подлежали снова разделу²². Во всяком случае § 8, 32, 82 «Земледельческого закона» не подтверждают этого. Экономическая дифференциация внутри деревни ускорялась бы новым разделом не менее чем фактическим овладением без формального наделения. Скорее отсутствие γεωργοί, чем их возвращение, было правилом, отсутствие, которое подтверждается наличием многочисленных μισθωτοί в деревне, бежавших γεωργοί из других деревень.

Это означает, что обязанности по уплате налогов ускоряли социальную деградацию одних, а для других предоставляли законную возможность упрочить свое материальное положение. «Земледельческий закон» фиксирует начало процесса социальной дифференциации. Различие уже сейчас довольно заметно. Между крестьянином, который может возделывать только небольшой участок земли и должен отправиться на заработки (или оставить даже совсем свою землю, чтобы жить в другом месте как μισθωτός), и членом общины, который нанимает μισθωτοί и рабов и в состоянии взять на себя уплату налога соседа и обработать его участок, имеется много промежуточных ступеней.

Несмотря на все попытки законодателя поддержать равновесие, тенденция еще большего усиления имущего и обеднения бедняка уже не имела препятствий на пути своего развития. Этот процесс экономической и социальной дифференциации происходил прежде всего внутри деревни и был более медленным по сравнению с позднейшим поглощением крестьянского участка династами вне деревни. Но в «Земледельческом законе» его уже можно ясно увидеть и понять, что он начинался не в IX—X вв., от которых в нашем распоряжении имеются ясные свидетельства источников. Новое усиление и относительно внутренняя стабилизация деревенской общины привели только к задержке развития, которая была недолговременной.

²² Lemerle P. Op. cit., p. 60; М. Я. Сюзюмов (указ. соч., с. 38 и сл.) идет еще дальше, понимая как μεριστός и овладение покинутой парцеллой, вытекающее из взаимной ответственности по уплате налогов, с указанием на такие более поздние источники, как трактат Эшбернера и судебные решения магистра Козмы.